

Министерство образования и науки Российской Федерации
Омский государственный педагогический университет
Сибирский региональный вузовский центр по фольклору на базе ОмГПУ
Фольклорная комиссия вузов России

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ

*Материалы XIII научного семинара
Сибирского регионального вузовского центра
по фольклору*

Омск 2004

ББК 82.3(2)
Н 301

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Омского государственного
педагогического университета

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российской
гуманитарного научного фонда (проект № 04-04-14013г).*

Редакционная коллегия: канд. искусствовед, доц, и.о. проф.
Н.В. Леонова;
докт. филолог. наук, проф.
Т.Г. Леонова (отв. редактор);
канд. филолог. наук, доц.
В.А. Москвина.

Н 301 Народная культура Сибири: Материалы XIII научного се-
минара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору/
Отв. ред. Т.Г. Леонова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – 300 с.

ISBN 5-8268-0822-5

В данном сборнике публикуются информация о XIII на-
учном семинаре Сибирского РВЦ по фольклору и тексты докла-
дов, сообщений или написанные на их основе статьи.

ББК 82.3(2)

ISBN 5-8268-0822-5

© Коллектив авторов, 2004

Т.Г. Леонова,
руководитель Сибирского РВЦ по фольклору

ХIII НАУЧНЫЙ СЕМИНАР СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ВУЗОВСКОГО ЦЕНТРА ПО ФОЛЬКЛОРУ "НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ"

27-29 октября 2004 г. в Омске состоялся XIII научный семинар "Народная культура Сибири", проведенный Сибирским РВЦ по фольклору на базе Омского государственного педагогического уни-
верситета. Деканатом филологического факультета ОмГПУ были соз-
даны хорошие условия для работы семинара. Благодаря помощи рек-
тората, приехавшие из других городов на семинар его участники (та-
ких более 30) получили места в общежитиях ОмГПУ и Автодорожной
академии. В финансовом содействии организации и проведение семи-
нара определило содействие Российского гуманитарного научного
фонда (проект № 04-04-14013г).

Участники семинара в 2004 г. – представители 31 ниженазван-
ной организации из 17 городов России и Казахстана:

Государственный республиканский центр русского фольклора
(Москва);

Детская музыкальная школа № 1 (Новосибирск);

Детская музыкальная школа Республиканской национальной
гимназии (Абакан, Хакассия);

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Астана, Казахстан);

Институт алтаистики (Горно-Алтайск);

Институт мировой литературы РАН (Москва);

Институт русской литературы РАН (Санкт-Петербург);

Институт филологии СО РАН (Новосибирск);

Институт языкознания РАН (Москва);

Ишимский государственный педагогический институт;

Кейсеская средняя школа Седельниковского района Омской
области;

Кемеровский государственный университет;

Кемеровский государственный университет культуры и ис-
кусств;

Кубасская государственная педагогическая академия;

Курганский государственный университет;

Магнитогорский государственный университет;

Новосибирская государственная консерватория;

Анаголия Демидова в Нижнем Тагиле, работал там садовником и библиотечарем. В 1856 г. он получил освобождение, возвратился на родину, а через год умер в имении матери — Дзыхлыльне (ныне деревня Дзыхлыльно в Белоруссии).

Братя А. Янушкевича, собрав письма и дневники многолетнего изгнанника, издали книгу на польском языке "Жизнь Адольфа Янушкевича и его письма из степей киргизских" [2].

В этой книге обращает на себя внимание картина Никольской ярмарки в Ишиме, созданная яркими красками, передающими колорит маленького сибирского городка, пробуждающегося на несколько дней от своей неторопливой сонной жизни. "Два раза в год перед Рождеством и Пасхой проходит здесь ярмарка в течение недели, причем зимняя бывает особенно многочисленной. Из разных краев собираются здесь сюда купцы, до шести тысяч гостей наполняет городок жители которого вынуждены в это время ютиться по углам "как селди в бочке". Глухие и пустые улицы наполняются шумом и движением. Есть на что "поглазеть". Повсюду стуют в своих национальных костюмах киргизы, татары, бухарцы, ташикинцы; везде полно товаров: пирамиды сала и масла, груды заячьих шкур, батареи чугунных горшков, башни разноцветных яиц и сундуков, стада скота, табуны коней, бесчисленные шеренги ошей".

Очень любопытны и его описания святочных и масляничных "маскарадов", которыми забавляется как "высшая", так и "низшая" городская публика. Рассказывая о масляничном "поезде", прибывшем однажды в Ишим из деревни, Янушкевич невольно восторгается своим путешествием по Европе: "...были широкие и длинные сани, а на них Вавилонской башней возвышалась пирамида, покрытая коврами. На ней стоял огромный деиша, около которой хоругвью в одной и со штофом в другой руке. У основания пирамиды на скамейках стояло также четверо верзил, пестро одетых, около которых на самих санях находилось еще двадцать стоящих крестьян. Десять коней тащило этот триумфальный воз на каждом сидел хлонец, а спереди, с боков и с тылу ехало множество ездоков, причудливо наряженных. Все это пело, кричало, скакало аж до полуночи, пока городовой не приказал прекратить это веселье. Этот масляничный кортеж напомнил мне итальянские времена, когда под южным небом смотрел я на забавы европейского народа".

Перебравшись в Омск, Янушкевич будет вспоминать народные песни, услышанные им в Ишиме, и цитировать отдельные строчки из них в своих письмах к другу — поэту Густаву Зелинскому, продолжавшему отбывать ссылку в этом городе. Так, в письме от 24 января 1842 г. приводятся строчки одной из таких песен на русском языке, но запи-

санные латин. Эй: "Za kalinkoi, za malinkoi, za szorniju smogodinkoi", а письмо от 7 февраля открывается строкой из "песни шимьянок": "Kaby zawita diei swibotny, da by radosna byla".

Пребывание в чужих краях, вдали от родных и близких людей, Волицкий и Янушкевич рассматривали как драму своей жизни, но в то же время ссылка явилась для них возможностью ознакомления с другими народами и культурными мирами.

Примечания:

1. Wspomnienia Konstantego Wolickiego z czasow roboty w sutadeli warszawskiej i na Syberji. — Lwow, 1876.
2. Zywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze sterow Kirgizkich. — Berlin, 1875.

Е.И. Жимулева

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЯХ НАРОДОВ СИБИРИ

В процессе освоения русскими переселенцами сибирского региона возникли многочисленные контакты славянских народов с коренным населением Сибири, складывающиеся в разных сферах хозяйственно-культурной деятельности. Взаимодействия между этносами происходили и на уровне традиционной духовной культуры, что привело к различному рода взаимовлияниям, в т.ч. к проникновению и закреплению новых, не свойственных ранее традиции, жанров. Свообразный и практически неизученный аспект проблемы представляет собой бытование отдельных православных песнопений в фольклорных традициях народов Сибири.

Появление песнопений в интонационных культурах сибирских этносов явилось результатом их христианизации, произошедшей, в основном, во второй половине XIX — начале XX вв. Известно, что крещение отдельных групп коренных жителей Сибири (сагайцы, камасинцы, население Северного Алтая) совершалось и в более раннее время. Первые попытки sporadически совершаемой христианизации можно охарактеризовать как поверхностные, неглубокие, и потому практически ничего не менявшие в традиционном мировоззрении и укладе жизни сибирских народов. Более целенаправленное обращение

в православие коренных жителей Сибири началось в середине – второй половине XIX в. в связи с организацией Алтайской духовной миссии (1830 г., Улала, ныне Горно-Алтайск), основанной архимандритом преп. Макарием Глухаревым [3, с. 6]. Новый этап деятельности миссионеров был отмечен стремлением создать условия для сознательного усвоения христианских ценностей сибирскими народами. В отличие от предшествующего периода, когда крещение совершалось при помощи административных, зачастую насильственных мер без желания и фактически без участия новообращенных, в XIX в. ведущим становится метод убеждения, ориентированный на добровольное принятие христианства (что стимулировалось также некоторыми льготами – подарками, освобождение от податей и т.п., – предоставленными новокрещеным). Главным же условием осознанного принятия христианства и последующего воцерковления новообращенных явилась возможность сделать основы православной веры доступными и актуальными для "инородцев". Для достижения этой цели миссионерами (Макарием Глухаревым, Василием Вербицким и др.) были совершены переводы богослужебных текстов на отдельные родные языки сибирских этносов, а также создана алтайская письменность на основе русского алфавита [2, с. 40]. Распространению православия во многом способствовала организация церковно-приходских школ, в числе предметов которых были Закон Божий и церковное пение [2, с. 97]. Большим доверием новокрещенных пользовались священники из представителей местного населения, появившиеся в начале XX в. [5, с. 188].

Для более сознательного принятия новой религии крещению предшествовала обязательная подготовка, а именно – выучивание самых кратких и простых молитв: "<...> всякий новокрещенный, желающий принять христианство, доколе не бывает крещен, пока не будет обучен главнейшим молитвам на своем родном языке <...>" [2, с. 72]. Православные песнопения, кроме того, запомнились посредством участия в богослужениях, совершаемых как на церковно-славянском, так и на родных языках сибирских народов (алтайский, шорский, сагайский, кызыльский и др.); известно, что в 1865 г. указом Синода разрешается совершение литургии "на языке алтайцев и инородцев" [2, с. 74, 113].

Помимо посещения церковных служб, новообращенные в отдельных случаях имели возможность участвовать во внебогослужебных чтениях и беседах, во время которых звучали духовные стихи из специальных сборников ("Лепта первая" и "Лепта вторая", составленные архимандритами Макарием Глухаревым и Макарием Невским), также введенные на языке аборигенов Сибири [2, с. 101; 3, с. 23]. Из России, кроме того, был перенесен обычай обходить дома прихожан священником на

Пасху и Рождество с иконой, крестом, проповедью и пением молитв, выносить иконы на поля во время летней засухи [2, с. 113].

Проникая в традиционную культуру коренных народов Сибири, христианство в той или иной степени влияло на обрядовую сторону их жизни. Так, например, в сферу семейных обрядов алтайских этносов постепенно входит обычай крестить детей, которому придавалось апотропеическое значение (считалось, что православное крещение охраняет ребенка от болезней и внезапной смерти). Вера в силу креста породила своеобразный обычай – в случаях отсутствия возможности совершить крещение с участием священника на ребенка надевали нагрудный крест и нарекали его русским именем, человек же, давший крест, считался крестным [3, с. 72]. Свадебная обрядность народов Сибири также испытывает на себе некоторое влияние православного свадебного ритуала. Известно, что традиционной свадьбе у кызыльцев предшествовало церковное венчание, кроме того, на территории Хакасии был распространен обычай благословения молодых иконами [5, с. 186]. Под воздействием христианства значительно трансформируется обряд погребения, что проявилось прежде всего в изменении способа захоронения: на смену воздушному и другим традиционным способам погребения приходит захоронение в гробу, с крестом, практикуется приглашение священника для отпевания покойника на кладбище. Христианский похоронный обряд широко распространяется у алтайцев, шорцев (известна даже дата первого отпевания, совершенного в Кузнецком крае (Кемеровская область) – 15 декабря 1858 г.) и хакасов, а также у бурятов, якутов, ительменов и других народов Сибири [2, с. 57; 4, с. 31; 5, с. 186]. Современные полевые материалы также свидетельствуют о сохранении традиции пения православных молитв во время похорон у шорцев и хакасов.

При проведении похоронно-поминальных обрядов у сибирских этносов исполняются наиболее известные православные молитвы, такие как "Богородице Дево", "Достойно есть", "Вечная память", многократно повторяются краткие молитвенные обращения к Богородице и песнопение "Слава Тебе Боже". Наиболее же широко используемой и значимой в народном обряде отпевания у христианизированных сибирских этносов так же, как и у восточнославянских народов, является молитва Трисвятое ("Святый Боже").

Несмотря на большое число напевов Трисвятого (несколько десятков), существующих в богослужебной практике, в чине отпевания за этим текстом прочно закреплен, так называемый, погребальный на-

1. Материалы экспедиции в Бейский район республики Хакасия, 1998 г. (Архив традиционной музыки Новосибирской консерватории, А.137), а также [1, с.71].

пев. В народно-исполнительской среде бытуют отдельные партитурные голоса современного многоголосного варианта этого песнопения (преимущественно басовый голос). Нами были рассмотрены фольклорные образцы песнопения на церковно-славянском и родных языках носителей традиции (соответственно три и четыре шорских образца, пять и семь хакасских образцов), анализируемые в сравнении с каноническим первоисточником.

Песнопения, функционируя в "неродной", инокультурной и инонациональной для них среде, передаваясь исключительно устным путем, подвергаются определенным, порой значительным изменениям. Большинство рассмотренных нами произведений можно охарактеризовать как фольклоризованные варианты православного канонического первоисточника, в разной степени, но все же всегда явно присутствующего в каждом из этих образцов. При наличии множества индивидуальных мелодико-ритмических изменений первоисточника, присутствующих в каждом варианте, в трансформациях церковного напева во всем корпусе образцов можно проследить некоторые общие тенденции. К ним относятся интонационная замкнутость изначально разомкнутых начальных сегментов, мелодизация, ритмическая вариантность, в некоторых случаях достаточно прихотливая орнаментика партитурного басового голоса, а также характерные тембово-исполнительские особенности, свойственные интонационным культурам рассматриваемых этносов.

Более глубокие расхождения с богослужебным напевом свидетельствуют о существовании разного рода версий. Версии, отталкивающиеся от канонического первоисточника, иной раз трансформирующие его почти до неузнаваемости, но все же берущие его за основу, можно обозначить как **перенитонирующие**. К ним относятся хакасская аудиозапись, выполненная в ходе проведения похоронного обряда, представляющая собой наиболее яркий пример в этой области. Версии, в основе которой находится напев иного происхождения, ничего общего не имеющий с богослужебным первоисточником, можно определить как **оригинальную** (или **локальную**). К ним мы относим одну шорскую версию, на появление которой, вероятно, оказала влияние интонационность традиционной лирической песни сарын

Можно заметить, что в степени трансформации напева достаточно четко прослеживается зависимость от языка, на котором исполняется песнопение. Как правило, больше отклонений от первоисточника появляется в образцах, поющих на родных языках носителей традиции. Ярким примером тому служит оригинальная шорская версия Тривьятого. Показательно, что это же песнопение, записанное от той

же исполнительницы, на церковно-славянском языке звучит с минимальными изменениями, что создает значительный контраст между этими разноязычными образцами.

Примечания:

1. *Андреева О.И., Белоусова Л.Ю., Сыченко Г.Б.* Итоги экспедиционной работы в районе хакасско-шорского пограничья // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей Омск, 2001. С. 69-72.
2. *Ерошов В.В., Кимеев В.М.* Тропой миссионеров Алтайской Духовной Миссии в Кузнецком крае. Кемерово, 1995.
3. Из духовного наследия алтайских миссионеров сборник / Сост., вступ. ст. и примеч. протоиерея Б.И. Пивоварова. Новосибирск, 1998.
4. Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). М., 1980.
5. *Шибалева Ю.А.* Влияние христианизации на религиозные верования хакасов (религиозный синкретизм хакасов) // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). Л., 1979.

В.Г. Богомолова

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РАЗНОЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ КУЗБАССА

В условиях Сибири особую актуальность приобрела проблема изучения межэтнических фольклорных взаимоотношений. В любой фольклорной традиции разнотнические взаимодействия могут быть рассмотрены в двух аспектах: связи генетически близких традиций и фольклорные контакты различных, максимально удаленных этнопоэтических систем. Для русского фольклора взаимодействия первого рода – восточнославянские, второго – связи с фольклором аборигенного населения и с традициями неславянских (например, финно-угорских) переселенцев. Межэтнические песенные взаимодействия Кузбасса, к сожалению, не стали предметом исследования фольклористов. Наша работа – первый опыт их изучения. Восточнославянские фольклорные контакты в кузбасской песенной традиции представлены прежде всего заимствованием русскими украинских лирических